

УРОЖАЙ ДЛЯ МЁРТВЫХ

Милана Панова

Урожай для мертвых

«Автор»

2026

Панова М.

Урожай для мертвых / М. Панова — «Автор», 2026

В Крутовражье знают старую примету: если в октябре на твоём пороге появилась тыква с вырезанным именем — до конца месяца ты исчезнешь. Архивистка Лидия Воронцова не верит в деревенские байки. Она приезжает в родную глушь всего на пару дней, но находит на пороге идеальную рыжую тыкву. Имя внутри вырезано не человеческой рукой — мякоть сама срослась вокруг букв, складывающихся в имя её матери. Вскоре бесследно пропадает первая женщина из зловещего «урожайного» списка. В местном архиве Лида обнаруживает дело об исчезновении двенадцатилетней девочки, которое поспешно закрыли почти сорок лет назад во время страшного наводнения. Имена свидетелей в тех старых бумагах пугающе совпадают с именами на появляющихся тыквах. Кто-то хочет заставить деревню замолчать навсегда. Или, наоборот, наконец заставить её заговорить. До Праздника урожая остается несколько дней. И кто-то уже выращивает последнюю тыкву. С именем самой Лиды.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тыква на пороге	6
Глава 2. Список урожая	8
Глава 3. Дом с горячим чаем	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Милана Панова

Урожай для мертвых

Урожай для мёртвых

Мистический детектив / Фолк-хоррор

Глава 1. Тыква на пороге

Октябрь в Крутовражье всегда пах прелыми листьями, сырым чернозёмом и увяданием. Лидия Воронцова смотрела в окно дребезжащего автобуса, отмечая, как городские пейзажи сменились бесконечными голыми полями, а асфальт уступил место разбитой грунтовке. Она не была здесь пять лет.

Деревня встретила её низким свинцовым небом и колючим ветром. На окраине тянулись владения умершего Глеба Сомова — огромные, поросшие жухлой ботвой поля, усеянные рыжими пятнами тыкв. Урожай в этом году никто не собирал. Тыквы лежали на земле, словно отрубленные головы, припорошенные первым, быстро тающим снегом.

Лида поправила воротник чёрного пальто. Она приехала не из сентиментальности. Глеб Сомов был странным стариком, деревенским отшельником, с которым Лида в детстве едва ли перекинулась парой слов. Но мама настояла, чтобы Лида приехала именно сегодня. «Нужно проводить, Лидочка. Так правильно», — сказала она по телефону надломленным, тревожным голосом, который совсем не вязался с её обычной непробиваемой практичностью фельдшера.

На кладбище было промозгло. Земля чавкала под ногами. У свежерытой могилы собралось от силы человек двадцать — в основном старики с угрюмыми, обветренными лицами. Павел Рудин, глава местной администрации, выделялся на их фоне дорогим кашемировым пальто. Он стоял чуть поодаль, то и дело поглядывая на часы, будто Глеб Сомов нарушал регламент, слишком медленно опускаясь под землю.

Лида стояла рядом с матерью. Марина Воронцова сильно постарела за эти годы. Прямая спина ссутулилась, а в глазах застыло выражение какого-то затравленного ожидания. Она кутала шею в серый пуховый платок и всё время смотрела на гроб, ни с кем не здороваясь.

— Поехали домой, мам, — тихо сказала Лида, когда комья влажной земли застучали по крышке.

Марина вздрогнула, словно просыпаясь, и кивнула. Она вцепилась в локоть дочери с пугающей силой.

Дом Воронцовых находился на центральной улице, недалеко от старой дамбы. Это была крепкая деревянная изба с пристройкой, в которой Лида провела всё детство. Но сейчас, подходя к калитке, Лида почувствовала укол раздражения. Ей всегда казалось, что Крутовражье застряло во времени, и эта поездка только подтверждала её правоту. Она планировала уговорить мать продать дом и перебраться к ней в областной центр. В конце концов, Лида — архивист, она привыкла всё раскладывать по полочкам, а жизнь матери здесь казалась лишённой всякой логики.

Они прошли по вымощенной кирпичом дорожке. Лида поднялась на крыльцо первой и замерла, доставая ключи.

Прямо перед дверью, на грубо сколоченном деревянном коврике, лежала тыква.

Небольшая, идеально круглая, ярко-оранжевая, без единого изъяна. Хвостик был аккуратно срезан.

— Чья-то дурацкая шутка? — Лида обернулась. — Мам, тут...

Она осеклась. Лицо Марины стало белым как мел. Женщина отшатнулась, прижав руку к губам. В её глазах плескался такой первобытный, неконтролируемый ужас, что Лиде на секунду стало трудно дышать.

— Не трогай её, — выдохнула Марина, пятясь к калитке. — Лида, отойди от неё. Немедленно.

— Мам, ты чего? Это просто тыква. Соседские дети, наверное, балуются перед Хэллоуином...

— В Крутовражье не празднуют Хэллоуин! — сорвалась на крик мать. — Отойди!

Профессиональная привычка во всём искать факты взяла верх над растерянностью. Лида присела на корточки, внимательно разглядывая плод. Кожура была абсолютно гладкой. Никаких вырезанных рожиц, никаких следов ножа или грязи. Но сквозь плотную оранжевую корку, словно вена под кожей, проступал странный тёмный контур.

Лида нахмурилась. Она достала из кармана ключи, на связке которых болтался маленький складной ножик-брелок, и решительно воткнула лезвие в макушку тыквы.

— Нет! — вскрикнула Марина.

С хрустом Лида вырезала клинышек и потянула за хвостик. В нос ударил резкий, сладковатый запах сырой мякоти. Она заглянула внутрь.

Семена были сбиты в плотный ком в самом центре, а на внутренней стороне мякоти, прямо под кожурой, темнели глубокие, гнилостно-чёрные борозды. Это не была резьба. Волокна мякоти росли *вокруг* этих борозд, огибали их, словно плод изначально формировался вокруг этой пустоты.

Борозды складывались в буквы. Шесть чётких, ровных букв.

«М А Р И Н А»

Лида почувствовала, как по спине пробежал ледяной холодок. Она не могла оторвать взгляд от имени, выросшего внутри плода.

— Собирай вещи, — голос матери за спиной дрожал, но в нём зазвучала металлическая жёсткость. — Мы уезжаем. Сегодня же.

— Как это возможно? — прошептала Лида, проводя пальцем по склизким внутренним буквам. Тёмные бороздки пульсировали гнилостным теплом. — Мам, кто это сделал?

Марина схватила её за плечо и силой оторвала от тыквы.

— Никто, — отрезала она. — Это предупреждение. Глеб умер, и теперь они начали сбор урожая. Мы уезжаем, Лида. Или до конца октября меня здесь не станет.

Глава 2. Список урожая

Марина так и не сомкнула глаз. Всю ночь Лида слышала, как мать ходит по дому, хлопает дверцами шкафов и сбрасывает вещи в старую дорожную сумку. На любые расспросы она отвечала глухим, раздражённым молчанием, лишь изредка повторяя: «Нам нужно уехать до темноты».

Но уехать не получилось. Утром старая «Нива» Марины наотрез отказалась заводиться, издав лишь жалкий хрип. Пока мать в панике звонила знакомому механику из райцентра, Лида вышла за калитку.

Улица не была пустой, как обычно в это время. Около двора Петровых, через три дома от них, толпились люди. Женщины кутались в куртки, мужчины нервно курили, переминаясь с ноги на ногу. Никто не разговаривал в полный голос — над улицей висел густой, тревожный шёпот.

Лида подошла ближе. На крыльце Петровых, точно так же, как вчера у их дома, лежала тыква.

— Третья за утро, — донёсся до неё сиплый голос бабы Нюры, соседки. — У Селивановых тоже, и у Надьки Климовой.

— И что внутри? — спросил кто-то.

— Имя, — баба Нюра перекрестилась. — У Петровых — Степан. У Селивановых — ихний дед. Как в тот год, помните? Когда вода пришла.

Лида протиснулась сквозь толпу. Хозяин дома, тучный Степан Петров, стоял на крыльце, держа в руках разрезанную тыкву. Его руки дрожали. Лида успела разглядеть знакомые чёрные борозды внутри оранжевой мякоти. Они безошибочно складывались в буквы: «С Т Е П А Н».

Профессиональный инстинкт сработал быстрее страха. Лида достала телефон и сделала несколько снимков, игнорируя недовольные взгляды односельчан.

— Зачем снимаешь, городская? — огрызнулся Степан. — Порчу навести хочешь?

— Пытаюсь понять, кто над вами издевается, — холодно ответила Лида. — Вы в полицию звонили? Участковому?

— Ирка Белова сама с утра бегаёт, — буркнул кто-то из толпы. — Только что она сделает? Тыкву арестует? Это не человек делал. Плоть сама имя вывела. Земля требует своё.

Лида развернулась и зашагала прочь. Мистика мистикой, но кто-то методично подбрасывал эти овощи. Нужно было собрать факты. Она обошла названные дома. У Селивановых тыква уже валялась в мусорном баке, разрубленная топором, но Лида успела сфотографировать ошмётки с обрывками букв. Затем направилась к дому Надежды Климовой — тихой женщины, работавшей в местном магазине.

По дороге Лида просматривала фотографии на телефоне. Степан Петров. Старик Селиванов. Надежда Климова. Марина Воронцова.

Эти имена казались ей странно знакомыми не только потому, что они были односельчанами. Как архивист районного музея, Лида обладала цепкой памятью на документы. Буквально месяц назад она оцифровывала ветхие папки, переданные из Крутовражской администрации. Среди них был акт об ущербе от осеннего наводнения 1989 года.

Степан, Селиванов, Надежда и её мать... Все они фигурировали в том старом документе как свидетели, дававшие показания комиссии.

«Это не проклятие, — подумала Лида, почувствовав прилив адреналина. — Это кто-то, кто знает историю деревни. И этот кто-то пытается их запугать».

Она подошла к дому Надежды Климовой. Калитка была приоткрыта. На крыльце сиротливо лежала разрезанная тыква, но хозяйки нигде не было видно.

— Тётя Надя? — крикнула Лида, поднимаясь по ступенькам.

Тишина.

Лида достала телефон и набрала номер, который помнила ещё с детства, когда мама часто звонила Климовой по делам медпункта. Гудки шли, но никто не брал трубку. Где-то внутри дома приглушённо зазвонил мобильный. Он звонил долго, настойчиво, пока не оборвался.

Надежда Климова не отвечала.

Глава 3. Дом с горячим чаем

Дверь оказалась не заперта. Лида толкнула её, и та поддалась с лёгким скрипом.

— Тётя Надя? — позвала она снова, переступая порог.

В прихожей пахло корвалолом и пыльными ковриками. На деревянной вешалке сиротливо висела старая куртка Климовой, а внизу стояли её единственные осенние сапоги. Если она и ушла, то в чём-то лёгком, совсем не по сезону.

Лида прошла на кухню. Здесь царил идеальный порядок, нарушаемый лишь одной деталью: на столе, поверх цветастой клеёнки, стояла чашка. Рядом лежала надкушенная сушка.

Лида протянула руку и коснулась бока керамической чашки. Она была тёплой.

От этого простого физического факта по спине пробежал неприятный холодок. Надежда была здесь от силы пятнадцать минут назад. Она спокойно пила чай, возможно, смотрела в окно на серую улицу. А потом что-то заставило её сорваться с места, бросить всё и исчезнуть, даже не заперев дверь.

Похищение? Лида огляделась. Никаких следов борьбы. Стулья стоят ровно, скатерть не сдёрнута, посуда цела. Женщина ушла сама, но в страшной спешке.

«Или она от кого-то прячется прямо сейчас», — подумала Лида, прислушиваясь к гулкой тишине дома. Но интуиция подсказывала, что дом пуст.

Взгляд архивистки, привыкший цепляться за мелкие несоответствия и выбивающиеся из ряда вон детали, упал на мусорную корзину под раковиной. Поверх свежих картофельных очистков лежал скомканный тетрадный лист и несколько обрывков плотной глянцевой бумаги.

Лида брезгливо выудила их двумя пальцами и разложила на столе, рядом с остывающим чаем.

Это была старая чёрно-белая фотография, в спешке разорванная на четыре части. Лида сложила их вместе, как пазл. На снимке виднелось широкое поле, залитое тёмной водой почти до самых крыш покосившихся хозяйственных построек. На переднем плане высилась земляная насыпь — та самая старая дамба, которую закрыли много лет назад, чтобы спасти центральную улицу деревни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.